

Российская Академия Наук
Институт философии

ЭТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Выпуск 2

Москва
2001

Содержание

МОРАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ

А.А.Гусейнов

Закон и поступок (Аристотель, Кант, М.М.Бахтин) 3

Р.Г.Апресян

Ресентимент и историческая динамика морали 27

А.В.Прокофьев

Человеческая природа и социальная справедливость
в современном этическом аристотелианстве 41

Л.В.Максимов

О когнитивизме Канта 65

А.В.Разин

Модели нравственного поведения 74

ИСТОРИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ МОРАЛИ

Б.Н.Кашиников

Концепция общей справедливости Аристотеля:
Опыт реконструкции 89

М.А.Корзо

О полемике янсенистов и иезуитов
о благодати и свободе воли 118

О.В.Артёмьева

Концепция морали в этическом интеллектуализме
Нового времени 132

О.П.Зубец

Об аристократизме 151

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭТИКИ

В.Н.Назаров

Опыт хронологии русской этики XX века:
второй период (1923–1959) 169

Е.Д.Мелешко, А.Ю.Каширин

Философия Толстовства:
Идея духовно-монистического миропонимания 192

И.А.Белая

Буддизм как теоретический источник учения
сознания жизни Л.Н.Толстого 203

А.А.Скворцов

Этические проблемы войны в русской
религиозной философии XX в. 216

О когнитивизме Канта*

Когнитивизм — это трактовка *сознания* (духа, психики, идеального) как *познания*; это редукция всего многообразия духовных структур и функций к одним только познавательным (когнитивным) структурам и функциям¹. Сама уже эта идентификация когнитивизма в качестве особого подхода основывается на достаточно распространенном (хотя и не общепринятом) предположении о том, что духовная реальность включает в себя наряду с когнитивными также и некоторые некогнитивные элементы, принципиально не сводимые к любым формам знания. Разновидностью указанного подхода является *ценностный* когнитивизм, т.е. истолкование ценностных ориентиров (идеалов, целей, интересов и пр.) и их частных проявлений (оценок, императивов, планов и пр.) как когнитивных феноменов. Из всех форм ценностного сознания чаще всего объектом подобной интерпретации становится *моральное* сознание — в силу безличного, надсубъектного характера моральных суждений, близких в этом отношении когнитивным суждениям.

В качестве особой *теоретической концепции* когнитивизм имеет представительство в философии сознания, психологии, лингвистике, логике и других дисциплинах, исследующих структуры и механизмы человеческого духа. Впрочем, осознанные, ясно вербализованные когнитивистские декларации не часто встречаются в «науках о духе»; обычно когнитивизм принимает-

* Статья выполнена в рамках исследования, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом, грант № 00-03-00189а.

ся исследователями интуитивно, как нечто самоочевидное, и уже на его основе возводятся другие конструкции, описывающие и объясняющие сознание. Присутствие этой стихийной методологической тенденции выражается в том, что создатели, защитники и распространители *ценностных учений* — идеологи, моралисты, проповедники, богословы, беллетристы и т.д. — строят и истолковывают собственную деятельность большей частью как деятельность познавательную (и обучающую), как поиск (и декларирование) *истины*; т.е. *ценностные* проблемы ставятся и решаются по тем же образцам и теми же методами, что и проблемы познания. Это приводит к смешению теоретических и практически-прикладных аспектов гуманитарно-философской мысли, к разработке эклектических, внутренне противоречивых конструкций типа «нормативной науки», «научной идеологии» и т.д. Гуманитарная *теория*, занимаясь *исследованием* своего объекта, одновременно (и *тем самым*) пытается разрешать *ценностные* коллизии, т.е. берет на себя *практические* функции, «учит жить»; с другой стороны, «практическая философия» и те гуманитарные дисциплины, которые как раз и предназначены для «производства» ценностных ориентиров и соответствующего воздействия на сознание людей, сбиваются на описание и объяснение реалий человеческого бытия, на «просветительскую» деятельность («передачу информации»). Такая взаимоподмена функций имеет следствием снижение как объяснительной эффективности гуманитарной теории, так и практической эффективности «прикладной» гуманитарии.

Истоки когнитивистской установки уходят в неопределенно далекое прошлое, однако выявлена и четко сформулирована она была лишь в 20-е гг. XX в., причем сделала это ее противник — «нонкогнитивисты», принадлежавшие к разным школам логико-лингвистического анализа (главным образом к метаэтике). Активная критика когнитивизма (в рамках аналитической философии) продолжалась несколько десятилетий и постепенно затихла, натолкнувшись на сопротивление со стороны «когнитивистского большинства» философского сообщества. Когнитивизм по-прежнему молчаливо и незримо господствует в философии морали. Однако неэффективность нонкогнитивистской критики не означает, что ее доводы вообще несостоятельны или сама обсуждаемая проблема маловажна. Дело скорее в том, что когнитивистская идея настолько глубоко внедрена в самые основания традиционной этической мысли, в ее понятийный строй,

что ее нельзя опровергнуть простым указанием на те или иные — пусть даже совершенно бесспорные — результаты логико-лингвистических исследований. Преодоление когнитивизма возможно лишь путем постепенного и кропотливого «распутывания» тех проблемных узлов, которые образовались вследствие многовекового господства этой парадигмы.

Трудность осуществления этой задачи связана с тем, что на когнитивистской методологии возросли крупнейшие философско-этические системы, надолго определившие не только способы решения, но и саму постановку фундаментальных проблем, относящихся к этой области. Если говорить о моральной философии XIX—XX вв., то здесь первенство в указанном отношении принадлежит, безусловно, Канту: не только его ортодоксальные последователи, но даже и многие оппоненты и антагонисты так или иначе отталкиваются от тех мыслительных схем, которые были выработаны в его этическом учении. К числу этих схем принадлежит и органичный для кантианской этики когнитивизм, опирающийся на мощную теоретико-познавательную основу. Поэтому анализ кантовской когнитивистской модели, реализованной в его этике, может быть полезным для понимания скрытых методологических посылок многих послекантовских (в том числе и современных) этических концепций.

* * *

Кант не выдвигает, не формулирует и не обосновывает когнитивистской идеи, он ее непосредственно принимает и применяет в своих рассуждениях о нравственном законе и практическом разуме. Эти рассуждения он строит внутри уже сложившейся, традиционной когнитивистской парадигмы: подобно другим философам Нового времени, он рассматривал мораль как особую форму знания и исследовал ее именно в данном качестве. Когнитивизм для этих философов — не вывод из какой-либо системы рассуждений и не результат осмысления эмпирии, а нечто интуитивно несомненное, о чем не надо специально говорить. Внешне это выражается, главным образом, в использовании специальной теоретико-познавательной терминологии при описании и истолковании феноменов и основоположений морали, например: *a priori*, *a posteriori*, эмпирия, понятие, истина; объективность и необходимость суждений морали, их катего-

ричность (в отличие от «гипотетичности») и пр. Своеобразие Кантовой этической концепции (в сравнении с другими, преобладающими в той же парадигме) обусловлено, прежде всего, особенностями его эпистемологии, влияние которой на его философию морали не подлежит сомнению.

Правда, безоговорочному признанию когнитивистского характера этой концепции противоречит, казалось бы, кантовская дихотомия спекулятивного и практического разума, как и вообще постоянное подчеркивание отличия «практических» идей, интересов, целей, регулятивных принципов и т.д. от «теоретических». Однако из кантовских текстов (а в особенности из их контекста) явствует, что указанная специфика не выходит за пределы общей эпистемологической трактовки морали: «практическое», как и «теоретическое», оказывается разновидностью «познавательного». Формулируя три вопроса, в которых выражаются «интересы разума»: что я могу знать? что я должен делать? на что я могу надеяться? — Кант отмечает, что первый из них является «чисто спекулятивным», второй — «чисто практическим», а третий «одновременно практическим и теоретическим»². Однако нетрудно видеть, что фактически все три вопроса заданы в предположении, что ответы на них могут быть получены в результате *познавая* (или, во всяком случае, поиск этих ответов представляет собою познавательную деятельность); т.е. независимо от того, какой именно «интерес разума» порождает тот или другой вопрос, сами эти вопросы носят «познавательный» характер. В частности, разум желает *знать*, что *должно делать*, и задача практической философии состоит в том, чтобы добыть такое *знание*.

Вопрос принципиальной важности для Канта — не в том, являются ли моральные суждения когнитивными, т.е. принадлежит ли вообще мораль к сфере знания (позитивный ответ представляется ему очевидным), а в том, какова специфика и каков источник этого морального знания. Всякий человек — не только философ или просвещенный моралист — может констатировать существование «чистых нравственных законов», которые «совершенно а priori... определяют все наше поведение», «повелевают безусловно (а не только гипотетически, [т.е.] при допущении других эмпирических целей) и, следовательно, обладают необходимостью во всех отношениях»³. Универсальность, автономность, категоричность, безразличие к желаниям и склонностям индивида — эти свойства нравственного закона исключают его «эмпирическое» происхождение и заставляют искать его источник в чистом разуме.

Адекватно схватывая в указанных определениях нравственного закона феноменологию морального сознания, — вернее, то, как воспринимаются и осмысливаются механизмы морали в обыденной рефлексии, — Кант признает саму эту рефлексию вполне адекватной ее предмету и тем самым узаконивает представление о морали как о чем-то внешнем, инородном для обычной («эмпирической») человеческой психики. Освобождение морали от психологических определений он истолковывает как преодоление эмпиризма и натурализма в этике. Вообще, *депсихологизация морали составляет самую суть кантовского когнитивизма*. Кант во всех своих работах по философии морали настойчиво и последовательно осуществляет перевод психологических терминов на язык эпистемологии. Фактически все *психологическое* он отождествляет с *эмпирическим*, а «все эмпирическое», полагает он, «совершенно непригодно как приправа к принципу нравственности»⁴.

Но насколько правомерна редукция всех феноменов психики к эмпирии? И что вообще означают у Канта термины «психологическое» и «эмпирическое»?

Трудность в распознавании по существу весьма разных значений, заключенных в каждом из этих терминов, проистекает из особенностей Кантовой теории познания, не позволяющей дифференцировать знание и его предмет. Из-за этого «психология» как *эмпирическая наука* устойчиво смешивается с ее *предметом* — «психикой», также получающей у Канта определение «эмпирической». А поскольку этот последний термин принадлежит в конечном счете эпистемологии, где обычно обозначает определенный уровень познания, то, будучи примененным к реалиям психики, он фактически переводит все эти реалии в разряд форм эмпирического знания (или познания). Такая квалификация вполне уместна по отношению к некоторым психическим феноменам — ощущениям, перцепциям, представлениям, воображению и пр., но вряд ли ее можно столь же безоговорочно отнести к другим феноменам — аффектам, желаниям, склонностям, интересам и пр. Кант, собственно, во многих случаях и не отрицает различия перцептивных и аффективных составляющих психики, иногда даже прямо подчеркивает непознавательный характер переживаний и эмоций, однако общая установка на интерпретацию духовного в понятиях эпистемологии заставляет его объединять все эти феномены под именем «эмпирического» и — еще чаще — «чувственного» познания⁵. «Разум» же вообще оказывается внепсихической познавательной

способностью, похожей, однако, на «чувственность» в том отношении, что, помимо собственно познания, он может также управлять человеческим поведением. Будучи лишеным психического механизма, разум превращается в некую внесубъектную реальию, производящую объективную *истину* и объективные *императивы* (причем все это понимается как нечто внутренне единое, тождественное) независимо от человеческой психики.

Депсихологизация разума (и совмещение в нем познавательного и понудительного компонентов) сыграла важную роль как для рационалистической эпистемологии Канта, так и для его этики. Что касается эпистемологии, то указанный методологический подход позволил объяснить происхождение универсальных, необходимых истин и вместе с тем «принудительность» открываемых (или полагаемых) разумом законов природы. В этике же депсихологизация разума позволила дать по-своему стройное и последовательное объяснение специфики морального долга: (1) его особой — безличной, «объективной» — побудительности, воспринимаемой личностью как присутствие в ее душе некоей внешней силы, не считающейся с ее (личности) желаниями и интересами (той силы, которая впоследствии получила психологически релевантное объяснение в понятии Супер-Эго Фрейда); (2) безусловно-категорического (т.е. не «гипотетического»), необходимого и универсального характера «нравственного закона» как требования долга; (3) «неестественности» нравственного долга, т.е. его направленности на такие деяния, которые идут вразрез с «естественными» (принадлежащими «эмпирической психологии») интересами, склонностями, желаниями.

В соответствии с указанным подходом мораль в ее специфическом бытии трактуется как «нравственный закон» — продукт «чистого разума», поэтому она не отягощена психологией, эмпирией, чувственностью, — в том числе чувственностью эмоциональной, побудительной, т.е. «материей желания». «Практический» чистый разум производит формулы категорического императива нравственности по той же познавательно-конструктивной технологии, применяя которую «теоретический» чистый разум производит законы природы. Однако такая интерпретация морали порождает проблему, решение которой потребовало много усилий и изобретательности от Канта и других философов, работавших в когнитивистской парадигме: *как возможно императивное знание?* Не является ли это понятие бессмысленным? Ведь знание «по определению» есть идеальная модель чего-

то существующего (реально или предположительно), императив же обязательно содержит в себе, наряду с абстрактным или чувственно-образным компонентом, определенное побуждение, требование (пусть даже выраженное в безличной, безадресной форме «долженствования вообще»).

Кант не избежал соблазна присоединиться к простому и, казалось бы, убедительному решению этой проблемы, вполне согласному с обыденной рефлексией, но не выдерживающему теоретической критики. Решение это состоит в том, чтобы истолковать моральный императив как «знание о должном», — в предположении, что таковое знание каким-то образом вбирает в себя свойства своего «объекта», т.е. «должного», и тем самым становится императивом. Конечно, Кант избегает столь прямолинейных утверждений, прибегая к более осторожным формулировкам. «...Теоретическое применение разума, — пишет он, — есть то, посредством которого я а priori (как необходимое) познаю, что нечто существует, а практическое — то, посредством которого я а priori познаю, что должно произойти»⁶; разум «дает также законы, которые суть императивы, т.е. объективные *законы свободы*, и указывают, *что должно происходить*, хотя, быть может, никогда и не происходит; этим они отличаются от *законов природы*, в которых речь идет лишь о том, *что происходит*; поэтому законы свободы называются также практическими законами»⁷. Как мы видим, Кант не говорит напрямую, будто «законы свободы» суть продукты познания разумом «объективно должного»; оригинальность его эпистемологии проявляется здесь в том, что разум *дает* эти законы, поэтому они и являются императивами, — императивами разума. Но ведь и «законы природы» тоже «даны» разумом; не означает ли это, что и они также суть императивы, предписывающие природе, как она должна себя вести?

Вообще говоря, трактовка объективных естественных законов как «императивов» (только исходящих не от безличного «разума», а от самой «природы») — это древняя мировоззренческая идея, в основе которой — перенесение на природу модели социальных (правовых, моральных и пр.) законов-установлений. Само слово «закон» в русском языке (как и соответствующие эквиваленты в других языках) первоначально обозначало только социальные установления и уже затем было распространено и на «внечеловеческое» бытие, сохранив в себе смысловой оттенок императивности. Недостаточно четкое различение этих двух контекстов не позволяет увидеть границу, отделяющую *познание*

объективных законов от выражения и защиты ценностных позиций. Подобное смешение постоянно имело место в истории этической мысли. Например, гедонист, открыв «естественный закон», согласно которому человеку по природе *свойственно стремление к наслаждению*, склонен (невольно) трактовать этот «закон» как *«императив природы»*, как приказ или совет (которых в принципе можно и послушаться). Сходное движение мысли присутствует и в доктрине «естественных прав человека»; в этом случае определенным моральным или правовым императивам придается статус «объективного закона», причем подлинная императивная (прескриптивная) интенция остается скрытой, и соответствующие «законы», подобно законам бытия, выражаются в дескриптивной форме: «люди равны по природе»; «каждый человек имеет право на жизнь» и т.п. А то обстоятельство, что люди все-таки нарушают эти «объективные законы», объясняется очень просто: ведь люди, как известно, нередко *отрицают, не признают* также и законы, открытые наукой, отчего те не перестают быть объективно истинными. Однако отрицание *объективной истинности* закона науки вовсе не делает «недействительным» соответствующий *объективный закон*; мы все равно *вынуждены* ему подчиняться, ибо «нарушить» его невозможно. Если же кто-то «отрицает» *закон-императив*, то он тем самым его «отвергает» и вполне в состоянии послушаться, нарушить этот «закон».

Императив невозможен вне психического субстрата, — если под таковым понимать не ощущения и восприятия, а интенцию, переживание, стремление и если это интенциональное начало присутствует и в источнике, и в восприемнике императива. Кант, безусловно, прав, усмотрев специфику морального сознания в его автономности по отношению к интересам, склонностям и т.п., однако отсюда не следует, что мораль вообще свободна от психики; да и сам Кант в своем описании механизмов морали так и не смог полностью элиминировать понятия «чувство долга», «уважение к закону» и др. и вынужден был сопровождать употребление этих понятий пространными — но не очень убедительными — оправданиями.

Полностью «депсихологизированное», «когнитивизированное» моральное сознание утрачивает специфичную для него ценностно-нормативную модальность и, значит, перестает быть моральным. Поэтому в рамках когнитивистской парадигмы, на какую бы эпистемологическую теорию она ни ориентировалась, — даже на такую глубокую и тщательно разработанную, как кантовская, — невозможно адекватное описание, объяснение и обоснование морали.

Примечания

- ¹ В современной философской и научной литературе термин «когнитивизм» употребляется в разных проблемных контекстах и соответственно имеет несколько значений, не связанных с темой настоящей статьи. (См., напр.: *Green Ch.D. Where Did the Word «Cognitive» Come From Anyway?* // *Canadian Psychology*. 1996. № 37; *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* Основы теоретической психологии. М., 1999. С. 114-118).
- ² *Кант И.* Критика чистого разума. М., 1994. С. 471-472.
- ³ См.: там же. С. 472-473.
- ⁴ *Кант И.* Основы метафизики нравственности // *Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 4. (1). М., 1965. С. 266.
- ⁵ Следует заметить, что если для Канта такая интегральная характеристика психики есть проявление определенной концептуальной последовательности, то в целом подобное словоупотребление (т.е., в частности, применение слова «чувство» для обозначения одновременно и «наглядных образов», и «переживаний»), весьма распространенное в обыденном и философском языке, является показателем его несовершенства, его неадекватности реалиям психики.
- ⁶ *Кант И.* Критика чистого разума. С. 381.
- ⁷ Там же. С. 470.